

Екатерина **Вильмонт**

Физ
с ним,
с мавром!

A • S • T

Екатерина Николаевна Вильмонт

Фиг с ним, с мавром!

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155110
Фиг с ним с мавром!: АСТ, Астрель; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-045251-4, 978-5-271-17464-3*

Аннотация

Ее проза – изящная, задорная и оптимистичная. Ее по праву ставят в пятерку самых известных авторов, пишущих о взаимоотношениях мужчины и женщины.

И если у вас дурное настроение, или депрессия и жизнь совсем не в радость, то вам помогут романы Екатерины Вильмонт!

Екатерина Вильмонт ФИГ С НИМ, С МАВРОМ!

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...*

Анна Ахматова

Смотреть на океан не надоедало, собственно, сейчас это было его единственным занятием. Как хорошо, думал он, что я не пишу прозу, в сценариях описание океана не играет роли, а в прозе что ни напишешь, выйдет банальщина. Столько уж всего сказано... Сценарист это совсем другая профессия, даже другой образ мыслей. Хотя в последний год, самый, наверное, тяжелый в его жизни, он вообще ничего не писал, не мог просто. Интересно, я смогу еще писать когда-нибудь? И захочу ли? А если нет? Придется искать другую профессию, хотя в сорок лет это не так-то просто... Да нет, пройдет, все пройдет, как несмертельная болезнь. Моя болезнь не смертельна, уговаривал он себя. Это просто реакция на три смерти за год, смерти самых близких. В ноябре прошлого года умерла жена, умерла внезапно, от сердечного приступа, молодая, красивая, полная жизни. Никто не знал, что она больна. Через три месяца столь же внезапно умер отец, а вслед за ним через полгода ушла из жизни мама, просто угасла, хотя была совсем не старой. На ее похоронах Сашка, старый друг,

утешил:

– Ну все, Михалыч, отстрелялся. Бог любит троицу. Теперь начинай жить... План по потерям выполнен и даже перевыполнен.

Некоторый цинизм этого утешения его не покорило, в нем был здравый смысл и надежда на лучшее. А Люська, жена двоюродного брата, посоветовала:

– Уезжай из Москвы, куда-нибудь очень далеко, где ты еще не был, хорошо бы к морю, и так, чтобы вокруг все новое, а лучше всего на Тенерифе! Это остров в океане, голову продует океанским ветром, душу тоже... Не волнуйся, я там хорошо все знаю, ты только дай мне паспорт и бабки...

В первый момент ему показалось кощунством ехать на курорт, но Люська была настойчива, а у него не было сил с ней бороться, да и уехать из Москвы, от дружеских соболезнований хотелось. Так почему бы не на Тенерифе? И вот он здесь всего три дня, а ему уже легче. Океанский ветер и вправду прочищает мозги и душу. И главное, он начал спать. Свалившись после семичасового перелета, заснул и проснулся утром. Посмотрел на часы, семь утра, а за окнами еще совсем темно, он перевернулся на другой бок и снова уснул на час. В восемь еще едва светало. Вскочив с постели он вдруг ощутил забытую бодрость. В зале гостиничного ресторана, где в потолке была большая дыра для росших прямо из земли пальм, он поймал на себе заинтересованный взгляд двух дам в мини-топиках на макси-бюстах, улыбнулся им и вдруг

почувствовал облегчение оттого, что не должен быть здесь скорбным. Никто его не знает, никому нет до него дела, никто не будет подбадривать улыбкой, за которой читалось: да, не повезло, парень, но бывает ведь и хуже... Люська, вручая ему документы, сказала:

– Я выбрала хороший, но вполне демократичный отель. Ваши тусовщики туда не ездят, там удобно, но не круто и очень близко до пляжа. И еще совет, Илюха: не бери с собой ноутбук и не включай там телевизор. Через пять дней почувствуешь себя возродившимся, а через две недели изголодаешься по работе, можешь мне поверить.

По работе он пока не изголодался, а другим человеком себя уже почувствовал. Пугало только полное безразличие к женскому полу. Но и это, надо полагать, временно. Жизнь ведь продолжается. Вчера утром на пляже он познакомился с немолодым, но весьма бодрым соотечественником, тот оказался приветливым, говорливым, они даже нашли несколько общих знакомых, хотя Илья так и не понял, чем новый знакомец занимается. Впрочем, большого значения это не имело, тем более что тот предпочитал говорить сам, почти не требуя ответов. Звали его Вячеслав Анатольевич, он жил в другом отеле и был буквально помешан на здешних красотах.

– Да вы что, первый раз тут? Я вам все покажу! Я тут все уголки знаю, такие места, закачаетесь! Вы еще не ездили на Тэйде? Нет? Это преступление! Вы думаете, сюда народ при-

езжает жопу в океане мочить? Ничего подобного! Все приезжают посмотреть на Тэйде.

– Если я не ошибаюсь, Лукас там снимал «Звездные войны»? – припомнил вдруг Илья.

– Снимал, снимал, но плевать на Лукаса, там просто чудо! А воздух какой! А хотите, завтра съездим туда, у меня машина, я вам все покажу, это вам не экскурсия: гляньте туда, гляньте сюда!

– Терпеть не могу экскурсии!

– Вот, а я о чем! Так поедemте? Буду рад вам все показать! Вы машину напрокат не брали? Вот и прекрасно, а у меня симпатичный «опелек», прокатимся с ветерком! Я тридцать лет за рулем, дороги тут классные, так что... У вас мобильный есть? С роумингом? Вот и славненько, я вам эсэмэску пришлю, когда за вами заеду, годится?

– Спасибо вам, я с удовольствием. А сколько туда езды?

– Часа за полтора-два доберемcя, это еще с остановками.

Утром они опять столкнулись на пляже и Вячеслав Анатольевич сообщил, что заедет за Ильей ровно в одиннадцать.

Вернувшись в номер, Илья достал из сейфа мобильник, на котором значились два новых сообщения от Люськи. Похоже, она всерьез взялась за его реанимацию. «Привет! Оживаешь? Чем занимаешься?» – гласило первое. «Почему не отвечаешь? С тобой все в порядке?» – второе.

Он улыбнулся. Хорошая баба Люська. И ответил: «Был на пляже. Оживаю. Спасибо. Сегодня еду на Тэйде». Почти

мгновенно пришел ответ: «Молодчина!». Стало как-то тепло на сердце. Он принял душ, оделся и вышел на балкон ждать Вячеслава. Ласковое октябрьское солнце, синий океан, легкий ветерок действовали умиротворяюще. Он закрыл глаза и сразу увидел картину, безмерно взволновавшую его вчера вечером, но только сейчас всплывшую в памяти. Он знал это за собой – что-то очень важное в жизни словно опускалось в глубину подсознания и на другой день всплывало не сразу. Он даже испугался. Неужто это что-то значит для меня?

Вчера после ужина он вышел на набережную пройтись, полюбоваться закатом, ушел очень далеко и на обратном пути присел на лавочку подышать океанским воздухом на ночь. Неподалеку от скамейки находился детский аттракцион-батут. Он уже неоднократно его видел, но днем там никого не было, а сейчас скакали дети и подростки. И вдруг там появилась девушка. К ней подбежала девочка лет десяти, до того неловко скакавшая в дальнем углу. Девушка слегка приобняла ее. А потом вдруг тоже прыгнула на батут. Ах, как она прыгала, сколько грации, сколько огня, сколько отчаяния было в этом зрелище! Длинные темные волосы взметались над головой, она подскакивала все выше и выше, легко перемахивая с одного батута на другой. Лихие подростки негодились ей в подметки. Один, видимо, был задет ее умением и стал демонстрировать свое. Кульбиты, сальто, пируэты! Но девушка с легкостью необыкновенной тут же перещеголяла его. Илья не мог оторвать от нее глаз. Но это был взгляд

не мужчины, а сценариста. Он уже видел судьбу этой женщины, да, несомненно, это взрослая женщина, возможно, мать девочки, у нее тяжкая подневольная жизнь и тут, на батуте, она выплескивает, выплескивает до полного изнеможения, свое горе, отчаяние, безнадежность. Более того, Илья уже видел кадры будущего фильма, они станут лейтмотивом картины. Женщина на батуте! Основой фильма должно стать пластическое решение, и лучше всех это сделает Артур. Вопрос в том, дадут ли на это деньги, проект отнюдь не коммерческий, но Артур давно мечтает сделать фестивальный фильм. Ни один сценарист не понимает его лучше Ильи, и этот проект может принести им обоим удачу... Публика истосковалась по лирическим историям, а Артур, с его чувством юмора и редким драйвом, сумеет привнести ту необходимую долю юмора, которая не позволит увидеть в ней нечто слезливое... Да причем тут Артур? Батут, он не позволит... Такого, кажется, еще не было. Он, разумеется, захочет снимать свою Милену, ну и что ж? Она превосходная актриса, красивая женщина, будет прекрасно смотреться... Вечером непременно пойду опять к батуту, только бы она пришла...

И вдруг он почувствовал, что все будет. Будет сценарий, будет фильм, будет успех, а может, и новая любовь... То, что он с утра не вспомнил женщину на батуте, было обещанием всего этого... Эх, жаль, у меня нет с собой кинокамеры... Я бы снял ее, чтобы показать Артуру... Он схватил мобильник и набрал: «Люсенька! Ты была права! Я уже задумал новый

сценарий!» Он ликовал, к нему возвращалось то, что было главным в его жизни!

Ровно в одиннадцать он спустился вниз и почти сразу подъехал сине-серебристый «опель». Вячеслав Анатольевич открыл дверцу.

– Привет, земля!

– Ох, как вы загорели уже! – заметил вдруг Илья, ибо тот был в светлой рубашке.

– Хе-хе-хе! – огладил себя по загорелой лысине Вячеслав. – Дамы любят загорелых! – и он подмигнул новому знакомцу. – Вы как, еще не обзавелись?

Илья содрогнулся. Неужто он станет вести разговоры «о бабах»? Я этого терпеть не могу, тем более с совершенно чужим человеком. Он сделал вид, что не расслышал вопроса, но Вячеслав не настаивал на ответе. Он говорил сам:

– Дороги тут классные, молодцы испанцы, хотя вообще-то они тупые, как... О, мы уже на высоте полтора километра, это вам не шутки. Знаете, самое удивительное – вот с этой стороны пейзаж вулканический, а обратно поедем – будет совсем другая картина: там сосны, там такие сосны... И вообще, вы не думайте, что сюда все рвутся, чтобы жопу мочить... тут главное – вулкан.

Илья вздрогнул. И пожалел, что согласился на эту поездку.

Время от времени Вячеслав Анатольевич останавливал машину и, схватив фотоаппарат – цифровой, с наворотами, –

что-то снимал, а иногда застывал в картинно-задумчивой позе, хотя, на взгляд Ильи, снимать именно в этом месте было нечего. Наконец, они добрались до точки, откуда выше можно подняться только на фуникулере, но к этому моменту он уже искренне ненавидел пресловутый вулкан и все, что с ним связано, и все его усилия были направлены лишь на то, чтобы не нахамить своему спутнику. Идиот, ругал себя Илья, разве можно пускаться в путешествие с незнакомым человеком? Илья пытался о чем-то спросить его, но тот словно не слышал собеседника, просто токовал, как глухарь.

– А на фуникулере подняться не хотите? Там красота! – закатил глаза Вячеслав, – я в прошлый раз пешком до кратера дошел, хотел даже спуститься, но там полиция не пускает.

– Да нет, знаете ли, у меня... высотобоязнь, – соврал Илья.

– Так, может, назад двинем?

– Двинем, двинем. А я хочу пригласить вас где-нибудь пообедать, в хорошем ресторане, вы, наверное, знаете, где лучше...

– Спасибо, что ж, не откажусь, я вам покажу чудный кабачок, я, знаете ли, не люблю рестораны с понтами, я пожрать люблю, хе-хе, чтобы все вкусненько, а понты, кому они нужны? Вот в Москве большинство ресторанов с понтами, я там не люблю... Зачем платить бешеные бабки за понты? Я вот девушку одну в Москве склеил, так она меня на дорогуший ресторан раскрутила... Я вполне могу себе это позволить, но зачем? О, вот мы и приехали!

Больше всего это заведение напоминало бензоколонку. Илья с сомнением спросил:

– Может, еще проедем?

– Нет, тут классно кормят! Обожаю такие маргинальные заведения... И хозяин знакомый, и стоит все копейки...

Илья, подавив глухое раздражение, согласился. Очень хотелось есть.

Им подали недурно приготовленное жаркое с гарниром из жареной картошки и свежих овощей.

– Это вам не то, что на побережье, тут вкусненько, картошечка классная...

Илья несколько раз уже обедал в прибрежных рестораниках и был вполне доволен тамошней кухней. Особой разницы он не заметил, разве что здесь было вдвое дешевле. Но там ты сидишь на берегу океана, а тут смотреть не на что, к тому же сидеть на свежем воздухе куда приятней.

Раздражение волнами накатывало на него, тем более, что фразу о том, что сюда приезжают не жопу мочить, он слышал по меньшей мере раз восемь. Но утешал себя тем, что они все-таки уже едут обратно, а вечером он пойдет к батуту. И сердце сладко замирало...

– Спускаться надо постепенно, – вещал Вячеслав, – сейчас проедем кусок и опять остановимся, я там пофоткаю... Все-таки две с половиной тыщи метров – это не шутки!

Они остановились у смотровой площадки, пейзаж здесь и впрямь разительно отличался от того, что они видели по

дороге на гору. Этот факт почему-то безмерно восхищал и поражал Вячеслава. А Илья уже дрожал от злости: подумаешь, семитысячник! В юности Илья увлекался альпинизмом и даже однажды «совершил восхождение на Эльбрус», как торжественно называл это отец. Кроме того, несхожесть пейзажей на склонах одной и той же горы не была чем-то уникальным и невиданным.

– Думаете, это туман? Это облака, милейший, облака! Хе-хе! Я сейчас!

Он оставил Илью у балюстрады, а сам поднялся метра на два по усыпанному хвоей склону и вдруг улегся, закинув руки за голову, и закрыл глаза, казалось, напрочь забыв о своем спутнике. Илья присел на камень и наблюдал за двумя ящерками, сновавшими между камней. Но он не был натуралистом, и вскоре ему это надоело. Вячеслав продолжал картинно лежать под соснами. К площадке подъезжали машины, вылезали люди, постояв над обрывом, они фотографировались и уезжали, а Илья все сидел. Он ненавидел Вячеслава, но еще больше себя – за глупость. Окружающая красота и действительно прекрасный воздух раздражали его так, что хотелось кричать и запустить камнем в Вячеслава.

– Милейший, сфоткайте меня тут, – раздался голос.

Вячеслав сунул ему в руки камеру и опять улегся на хвою. Скрипя зубами от злости, Илья щелкнул его.

– А вы, что ж, не полежали? Эх, а у меня все косточки тут как будто отмякли, такие молодые стали... И не только

косточки, тут такая энергетика, хе-хе, боюсь, придется нынче барышне своей позвонить... Хе-хе! Сейчас, милейший, я еще пофоткаю тут – и поедем.

Я его убью, подумал Илья. Но тут он вдруг услышал русскую речь, оглянулся и увидел двух немолодых женщин, подходивших к зеленой «хонде». Эти дамы жили в его гостинице.

– Простите, ради бога, – обратился он к ним.

– О, вы, кажется, живете в нашем отеле? – приветливо улыбнулась одна из женщин.

– Совершенно верно. Простите, но вы не возьмете меня в попутчики?

– А вы машину водите?

– Конечно, я с удовольствием, просто я попал в дурацкое положение...

– Отлично, а то моя подруга машину не водит, а я уже устала...

– Спасибо, вы так меня выручите, еще одно мгновение...

Он подошел к Вячеславу, который стоял у балюстрады, устремив вдохновенный взор вдаль, и тронул его за плечо.

– Вячеслав Анатольевич, я встретил тут знакомых и вернусь с ними. Мне нужно быть в отеле к определенному часу. Спасибо за экскурсию.

Тот даже не успел опомниться, как они сели в машину и Илья рванул с места.

– Господи, какое счастье! – воскликнул он. – Мне, дамы,

вас Бог послал!

Дамы были вполне адекватны, вежливы и ненавязчивы. В гостинице они рассыпались в благодарностях и говорили, что его им Бог послал.

– Нет, это вас мне Бог послал, – рассмеялся он, – я сэкономил немало нервных клеток.

Он переоделся, поужинал и вышел на набережную. На бауте никого не было. Он сел на скамейку, провожая взглядом паром, плывущий к острову Ла Гомера. Надо, наверное, там побывать. Солнце мгновенно провалилось в тучи. Неужто я больше ее не увижу? Я ведь даже не разглядел ее лица и, если встречу, не узнаю. Лица девочки тоже не видел... Неужели она уехала? Может, вчера был их последний день здесь и напоследок она решила оторваться? Ну что ж, жаль... Он встал и пошел вдоль океана. Вечерняя курортная суতোлка ничуть не раздражала, видимо, дневную порцию раздражения он потратил на Вячеслава. Ему даже стало немного стыдно. Человек хотел поделиться со мной своей страстью к здешним местам, ну глуп он, ну плохо воспитан и претенциозен, что ж теперь... Наверное, он обиделся, а впрочем, я тоже вправе был обидеться на его поведение... Но я ведь умнее его, хотелось бы надеяться. Ладно, надо просто забыть... И, вероятно, ходить на другой пляж, чтобы не встречаться с ним. Хотя с какой радости? Просто надо не вступать с ним в разговоры

и стараться избегать его. Может, теперь он и сам не полезет ко мне, должен же он был что-то понять.

Илья неспешно шел вдоль набережной и вдруг увидел ее. В том, что это она, не было сомнений. Те же короткие брючки и красная маечка, только сейчас вокруг бедер повязаны рукава синего свитера. Те же длинные гладкие волосы, а рядом анемичная девочка. Они шли ему навстречу, то есть в сторону батута. У него громко застучало сердце. Она не была красавицей, отнюдь. Неправильные черты загорелого лица, тонкий, чуть длинноватый нос, большие глаза, собственно, ничего особенного, но он не мог оторвать от нее глаз. Они обе шли молча, женщина придерживала девочку за плечо.

Ей лет тридцать, не меньше, подумал он, когда они поравнялись. Девочка совсем не была на нее похожа. Бледненькая, белокурая, вялая. А в женщине чувствовалась скрытая бешеная энергия. Она испанка, решил он. И хотя вчера он ее не разглядел, сомнений в том, что это она, не возникало. Она, вероятно, гувернантка этой девочки или дальняя родственница, а может, мачеха? Но больше всего его вдохновила мысль о гувернантке. Кто бы она ни была, я напишу о гувернантке... А может, не надо ничего уточнять? Она должна остаться загадкой и для героя и для зрителей. Так, странное явление из какого-то другого мира... Из взрослого серьезного мира... А героем будет мальчик, нет, юноша... Нет, лучше старик... Писатель... Или художник, да, художник, и женщина на батуте вдохновит его на создание шедевра, лебединой

песни... Нет, Артур не захочет старика... Он слишком земной человек, Артур, слишком любит жизнь во всех ее проявлениях, у него обязательно в картине будет сильный сексуальный заряд, а в истории со стариком это было бы лишним... Пусть он будет как я, одинокий, все потерявший сорокалетний мужчина... Это должна быть просто житейская романтическая история, а женщина на батуте просто символ, мечта, она не должна быть героиней этой истории, героиня будет другая, вполне земная женщина, потерявшая свою любовь и прилетевшая на край света в надежде обрести равновесие, два одиночества, которым не следовало встречаться... Что-то в этом роде...

Между тем женщина с девочкой прошли мимо батута. Она, похоже, была балериной – походка у нее балетная, выворотность очень явная. И двигалась она на редкость пластично. Казалось даже, что девочка тяжким грузом висит на ней, если бы не девочка, она бы могла взлететь, как взлетала там, на батуте... Они остановились у парфюмерного магазина, которых здесь, как он заметил, было великое множество. Прелестный запах оттуда перебивал другие запахи набережной – океана и жареной рыбы. У Ильи больно сжалось сердце – мама так любила бывать в парфюмерных магазинах, даже ничего не покупая. «Илюшенька, отвези меня в парфюмерию, хоть на старости лет подышу нормальной жизнью», – говорила она.

– Ляля, постой тут, – вдруг донеслось до него, – мне нужно

купить кое-что.

Они русские! Вот это удача!

– Нет, я с тобой!

– Я быстро, а ты прилипнешь к витринам! – раздраженно бросила женщина и вошла в магазин. Девочка за ней.

Илья тоже вошел в магазин. Женщина, не обращая внимания на девочку, сняла с полки какой-то крем и быстро направилась к кассе. А девочка перебирала что-то в большом коробе со всякой мелочью.

– Ляля, я ухожу!

– Ну Ниночка, ну пожалуйста, купи мне вот эту бабочку!

– У тебя же есть точно такая!

– Та зелененькая, а я розовую хочу! – она протягивала женщине резинку для волос с пластмассовой розовой бабочкой.

– Но это же уродство!

– Неправда, это красиво и очень модно!

– Да нет, это уже вышло из моды, – улыбнулся девочке Илья. – Было бы модно, не валялось бы в этом ящике.

Женщина удивленно на него взглянула, а Ляля сделала надменное лицо.

– Мужчины в таких вещах не разбираются!

– Это смотря какие мужчины! – засмеялся он. – Я не хочу сказать, что разбираюсь в девчачьих резинках, но я хорошо знаю, что попадает в эти ящики.

Казалось, этот довод подействовал.

Ляля побежала к ящику вернуть бабочку.

– Зря вы это, теперь она будет требовать что-то гораздо дороже, – сухо бросила Нина.

– Ох, простите, я думал... вы не хотели ей это покупать...

– Благодарю, но это была медвежья услуга.

– Простите, я не сообразил... Просто хотел вам помочь.

– С чего бы это? Мужская помощь всегда выходит боком. Вот, полюбуйтесь, она уже нацелилась на супермодную дрянь...

Ляля направлялась к ним, держа в руках ярко-розовый кожаный кошелек с зайцем, выложенным стразами – символом журнала «Плейбой».

– А это вот модно! Я хочу этот кошелек.

Нина тяжело вздохнула.

– Вот видите!

– Я ей подарю этот кошелек, искуплю вину!

– Вы что, клеитесь ко мне? – удивленно шепнула она.

– Нина, купи мне это!

– Зачем тебе кошелек, хотела бы я знать?

– Ну, папа сказал, что будет давать мне деньги, когда мне исполнится двенадцать.

– Но тогда уже такие кошельки точно выйдут из моды, – нашелся Илья.

Нина едва заметно улыбнулась.

– Вы думаете? – серьезно спросила Ляля.

– Уверен.

– Ну все, пошли домой, тебе пора спать!

– Нет, еще не пора!

– Так пока мы дойдем...

– Но ты мне ничего не купила!

– Обойдешься.

– Нет! Папа дает тебе деньги, чтобы ты меня баловала!

– Ты и так уже избалована сверх меры, – тихо проговорила

Нина. – Идем.

– Нет, если кошелек нельзя, купи блокнотик с зайчиком!

– Хорошо, но тогда завтра обойдешься без мороженого и батута, – хладнокровно ответила Нина. – Выбирай!

– А как вы думаете, этот блокнотик прикольный? – спросила вдруг Ляля у Ильи.

– Да нет, совершенно не прикольный, так, полный отстой, – попробовал он говорить на современном детском языке.

– Значит, выходит, у меня плохой вкус? – недобро прищурилась девочка.

– Да нет, дело не в этом... – слегка растерялся он.

– А в чем? В чем?

– Ну все, Елена, хватит приставать к взрослым, тебе пора спать, иначе я все расскажу папе.

– А если пойдем домой, завтра будем прыгать на батуте?

– Я свое слово всегда держу, – пожала плечами Нина. –

Пошли. – До свиданья, – бросила она Илье, взяла девочку за руку и вышла на набережную.

Пойти за ними? Нет, это может насторожить девчонку, довольно противную, надо отметить. И, кажется, я угадал, Нина ее гувернантка или как там теперь это называется у новых русских? Странно, я совсем не хочу эту Нину, я просто жажду еще раз увидеть ее на батуте... Но как бы там ни было, а она уже сыграла в моей жизни важную роль, я вышел из анабиоза, в который меня ввергла цепь смертей... Я напишу сценарий и назову его просто: «Женщина на батуте». Пока тут главное не женщина, а батут, но кто знает, как могут перемениться акценты... Значит, завтра я увижу ее, интересно, в котором часу они ходят на батут? С утра там вообще всегда закрыто, днем слишком жарко, значит, как и в прошлый раз, часов около восьми... Надо завтра пораньше поужинать и засесть в засаде на лавочке. Теперь я уж точно смогу с ними поздороваться... И он не спеша направился к гостинице. На батуте скакали два паренька лет двенадцати, что-то громко выкрикивая по-английски, и молчаливая сосредоточенная девушка, смотреть на которую не захотелось. Илья вошел в сад при отеле и увидел пластмассовое белое кресло, стоявшее в темноте под пальмой. Идти в номер еще рано, сидеть с кружкой пива за столиком перед пустой эстрадой, даже и думать тошно. Может, пойти в бар? Нет, туманить лишь недавно прояснившийся мозг алкоголем преступно. Он сел в кресло, вытащил из кармана мобильник и решил немедленно связаться с Артуром.

– Илюха! Рад слышать! Ты там тунеядствуешь? Хорошо

тебе?

– Артур, послушай меня! Я придумал охренительный фильм!

– Прямо сразу и фильм?

– Да! Только ты снимешь как надо!

– Илюха, я рад слышать твой прежний голос! Ты же там разоришься на телефоне, вот что, в отеле наверняка есть компьютер, пошли мне завтра подробное мыло, договорились?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.